

Василий ПЕСКОВ

с радостью
Василий
Фокер

КОРНОЕ СОБРАНИЕ СОУННЕНА

Миротворец

ПРОГУЛКИ ПО ОПУШКЕ

КОМСОМЛЬСКАЯ
ПРАВДА

Василий Михайлович Песков
Полное собрание сочинений.
Том 22. Прогулки по опушке
Серия «Василий Песков. Полное
собрание сочинений», книга 22

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12182075
Полное собрание сочинений. Том 22. Прогулки по опушке:
«Комсомольская правда»; Москва; 2014
ISBN 978-5-87107-905-8

Аннотация

В 22-м томе собрания сочинений журналиста «Комсомольской правды» и легендарного ведущего рубрики «Окно в природу» Василия Михайловича Пескова читатели смогут не только традиционно навестить Агафью Лыкову в таежном тупике, но и отправятся в путешествие по Африке.

Содержание

Предисловие	6
2002	10
Чудеса на воде	10
Поиски лидера	16
У Дона	24
Пустельга	43
Калитвянский паром	50
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Василий Песков
Полное собрание
сочинений. Том 22.
Прогулки по опушке
2002-2005

© ИД «Комсомольская правда», 2014 год.

* * *

«Природа еще умеет самовосстанавливаться. Только мы, люди, порою сильно этому мешаем. Если относиться к ней бережно, она еще покажет нам, что удивительно красива и бесконечно интересна».
В. Песков

Предисловие

Этот том открывает довольно уникальная фотография – Василий Михайлович Песков в момент награждения его орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени (это было 5 мая 2003 года). Как значилось в сообщении об этом – «за большой вклад в развитие отечественной журналистики».

Уникальность снимка в том, что Василий Михайлович орден хранил бережно, но мало кто его с этой наградой после видел. Лично я – ни разу. Даже в самые торжественные моменты в жизни редакции.

Это тоже такая черта характера: Василий Михайлович был упорный, цепкий, пробивной, но никогда – нескромный.

Кстати, это была у нег не первая высокая награда. В 1964 году он получил Ленинскую премию за книгу «Шаги по росе», собранную из его репортажей, напечатанных в «Комсомолке». Как отнесся к премии? С достоинством, но забавно.

Сам он вспоминал об этом в одном из интервью так: «– Нормальная книжка, она мне и сейчас нравится, но совершенно ясно, что на Ленинскую премию она не тянула. Случись все лет на десять позже, будь мне не 34 года, а 44, я, пожалуй, отказался бы от награды, сказал бы,

что не достоин ее. Впрочем, и тогда я всерьез не рассчитывал на победу, известие о выдвижении вообще получил в Антарктиде, куда прилетел в командировку. Однако обстоятельства так сложились, что премия досталась мне. После этого я стал жутко знаменитым.

– В самом деле?

– Конечно. Это сейчас о Ленинской премии не вспомнят, а тогда выше награды попросту не существовало. Достаточно сказать, что в 64-м году я оказался в компании таких замечательных людей, как актер Николай Черкасов, балерина Майя Плесецкая, музыкант Мстислав Ростропович. И тут я, парень из Воронежа...

Конечно, психологически момент был для меня сложный, кое-кто теперь ждал от Пескова «Тихого Дона», никак не меньше. Я понимал, что единственное спасение – не тужиться, не надуть щеки, а постараться поскорее забыть о награде и продолжать идти избранным путем. Сразу сказал себе, что никогда в жизни не подпишусь: «Василий Песков, лауреат Ленинской премии». И действительно не подписывался. Единственный раз пришлось нарушить обет, когда мы ходатайствовали о ком-то, попавшем в беду. Уже сейчас не вспомню, но чем-то человеку нужно было помочь, вот я и пустил в ход регалии. Все, больше звание я не афишировал и медальку лауреатскую не носил.

– Но от денежной составляющей премии хотя бы от-

казываться не стали?

– Положенные лауреату пять тысяч рублей (большая по тем временам сумма!) я разделил на две части: половину отдал родителям, чтобы они были спокойны, как говорится, за «черный день», а вторую часть решил пропить с друзьями.

– А говорили, что вы убежденный трезвенник...

– Знаешь, за столом я пьянею даже без спиртного. Главное, чтобы компания хорошая подобралась. А в тот раз народ был что надо. В ресторан Дома журналистов набилось человек двести: вся редакция «Комсомолки» и те, кто имел к ней какое-то отношение. Признаться, я банкет запомнил плохо, перед глазами все плыло, как в дыму, только одна деталь почему-то врезалась в память: официанты, несущие ананасы с горящими внутри свечами... Словом, погуляли мы тогда хорошо.

После этого я вернулся в журналистскую борозду и продолжал тянуть ляжку, правда, желанную».

Была еще в 2013 году премия Правительства Российской Федерации в области средств массовой информации «за персональный вклад в развитие средств массовой информации», но, к сожалению, уже посмертно.

Главными своими наградами он считал совсем другие. Например, то, что выиграл битву за Кологривский лес (как раз в этом томе есть об этом уникальном уголке природы его рассказ), что посчастливилось ему быть

знакомым с маршалом Победы Георгием Жуковым, с первым космонавтом Юрием Гагариным, с «хозяином» пушкинского Михайловского – Семеном Гейченко, полярниками, пережившими пожар на антарктической станции «Восток», с легендарным летчиком Девятаевым, вывезшим товарищей из фашистского плена на угнанном бомбардировщике...

Наверное, в этом и была его суть. Они и остались нам в его книгах, прекрасные люди, космонавты и охотники, маршалы и рыбаки. А награда – вот она, осталась на фото.

Подготовил Андрей Дятлов, заместитель главного редактора «Комсомольской правды».

2002

Чудеса на воде

Окно в природу

Правда ведь интересно: лежит человек на воде и читает газету. Где это может быть? Вижу протянутые вверх руки: «На Мертвом море!» Верно. Море такое есть. Оно расположено в Палестине (ныне территория Израиля). Точнее было бы назвать «море» озером: длина его – семьдесят шесть километров, наибольшая ширина – шестнадцать, самое глубокое место – 399 метров. Расположено озеро почти на четырехстах метров ниже уровня океана. Это самая глубокая котловина земли. Людей она не очень бы интересовала, если бы не вода озера, в ней можно, как на матрасе, лежать, почитывая газету. Почему? Потому что вода до предела насыщена солью. В литре ее двести пятьдесят граммов (хлорные соединения натрия, калия, магния). Насыщенный раствор образуется от минерализации воды. В озеро впадает река Иордан, но воды ее не разбавляют озерный рассол, поскольку велико испаренье. Это все можно прочесть в энциклопедии. И

на чудо природы приезжают глянуть туристы со всего света. Мечтал и я «почитать газету», лежа в легендарной воде. Но недавно, вернувшись из хакасской тайги, узнал: самолет из Абакана в Москву будет через два дня. Уйма времени – куда его деть? «А рванем-ка на Соленое озеро!» – предложили друзья. Узнав, в чем дело, я немедленно согласился.

Хакасия – страна степей. Лишь на юге, примыкая к Туве, покрыта она лесами, укрывавшими более тридцати лет староверов Лыковых. А большая часть земли в этом крае – открытая, прокаленная солнцем равнина. То и дело видишь в степи торчком стоящие плоские плиты камней. Это могилы кочевников. Могилам – тысячи лет.

Двигаясь на север в Ширинский район, вдруг начинаешь щурить глаза от блеска воды. Озера! Их много в Хакасии – до тысячи, но крупных – под сотню. Разной солености в них вода. И есть тут свое маленькое «Мертвое море», вода в нем – такой же рассол. Как и в озере Палестины.

Лежит, читает «Комсомольскую правду»...

Утром с местными краеведами едем к чудесной воде. Окрестности озера не радуют – пологие холмы без единого деревца с рыжей прошлогодней травой. Ниже холмов поблескивает вода. Песчаный пляж и приюты-вагончики свидетельствуют: летом, когда озеро прогревается, появляется море купальщиков – одни приезжают лечиться, другие, как мы, взглянуть на экзотику.

Двойник палестинского «моря» – почти что лужа: озеро не спеша обходят за два часа. Максимальная глубина – два

метра. Обсыхая после купания, человек тут становится белым – покрытым порошком соли. Ее тут в разные годы (в зависимости от дождей) бывает то больше, то меньше. Максимум отмечался в 1927 году – двести девяносто семь граммов на литр. «Охлаждаемся тут пивком, а на закуску слизываем соль с девчонок, – смеется один из нашей компании. – Отмываться от соли некоторые на машинах ездят к соседнему озеру. Оно в десяти километрах. Вода обычная – с рыбами и лягушками».

В знаменитом озере насыщенность воды солью так велика, что более она растворяться не может и выпадает осадком на дно. Продвигаясь от берега в прозрачной чистой воде, чувствуешь под ногами уже не озерную (лечебную) грязь, а твердую корку соли толщиной до двадцати сантиметров. Ученые называют этот подводный «асфальт» соляным черепом.

Обычная для озер многоликая жизнь в этой соленой воде отсутствует. Приспособились, притерпелись к рассолу только красного цвета рачки размером с глаз комара. На содовых озерах в Африке подобную мелочь выцеживают из воды птицы фламинго. Тут же мы видим лишь маленьких куличков (возможно, они-то и ловят рачков) и уток огарей, прилетающих охладиться, поплавать.

Хакасское название Соленого озера – Тус (по-тюркски – «соль»). Ценность соли везде и всегда была велика. По пустыне Сахара тысячи лет верблюжьими караванами на аф-

риканские торжища привозили грязноватые плиты вареной соли, выпаренной из озерной воды.

Из Туса кочевники соль выгребали тысячи лет. При Петре Первом близ озера была основана казачья застава (селенье Форпост) для охраны добываемой соли. Сейчас «соляной череп» озера не трогают. Но еще можно в музее увидеть тяжеловесные волокуши для выгребания ценного минерала.

Недавней истории суждено было распорядиться так, что вблизи Туса кипели смертельные страсти. Потомок петровских казаков Иван Соловьев (родился в Форпосте) в конце Гражданской войны поднял тут мятеж против российской власти и доставил ей много хлопот. Отряд Соловьева, объявленный бандитским, поручили разгромить молодому красногвардейскому командиру Голикову, известному нам сегодня под именем Аркадий Гайдар. (Автор книг для детей: «Чук и Гек», «Школа», «Военная тайна», «Дальние страны».) Прекрасные книги! Их доброта и сердечность, возможно, – «искупительная молитва» Гайдара (Хайдар – «впереди едущий» по-хакасски) за все, что учинил молодой каратель тут, у Соленого озера. Владимир Солоухин, прослеживая деянья Аркадия Голикова, в книге «Соленое озеро» свидетельствует: «Без суда, сам расстреливал, шашкой рубил и под лед сам трупы прятал»...

Много всего героического и ужасного помнят хакасские степи с сиреневыми холмами у горизонта, с торчком стоящим плитняком на могилах, с блеском соленых и пресных

озер.

О Соленом озере в этот раз рассказать уместно потому, что в двадцатых числах июля в Хакасию съедутся ученые из пятнадцати стран – медики, биологи, гидрологи. Был конкурс, решалось: где проводить всемирную конференцию по соленым озерам – в Австралии, Хакасии, Африке? Большинство пожелало в Хакасии.

Мы опередили ученых. Походили у Соленого озера, покопались в его целебной грязи, попробовали ногами крепость «соляного черепа». А самые отчаянные в нашей компании, несмотря на то что вода еще не прогрелась, решили поплавать. Я, признаться, этого очень хотел – не терпелось увидеть: лежит человек на воде и читает газету.

• **Фото автора. 19 июля 2002 г.**

Поиски лидера

Окно в природу

Действуя без оглядки, люди на земле уже потеряли, и безвозвратно, многих животных. В лучшем случае рисунок в книжке и музейные чучела напоминают: были... Сегодня на грани исчезновения находятся сотни птиц, зверей, змей, ящериц, насекомых. Земля беднеет на глазах нынешних поколений. Осознавая трагичность потерь, люди стали тратить немало средств, усилий, изобретательности, чтобы отвести от роковой черты хотя бы то, что особенно дорого. В этом случае поучительны усилия американцев по спасению белоголовых орланов, кондоров, соколов-сапсанов и особенно журавлей.

Белый журавль во времена индейцев был в Америке птицей обычной, но охота, распашка прерий и повсеместное беспокойство быстро вели число их, как считали, к нулю.

Но в 1938 году на зимовке в Техасе вдруг обнаружили четырнадцать уцелевших птиц. Находка взволновала страну. Спасение журавлей стало в Америке символом сохранения дикой природы. За шестьдесят лет энтузиазм, всеобщая заинтересованность в деле и огромные средства дали неплохой результат. Сейчас число журавлей приблизилось к трем сот-

ням. Из них диких, вольных – около двух сотен, остальные рассредоточены по питомникам.

Спасение белых журавлей поучительно, интересно. Об этом рассказано во множестве книг и газетных статьях, белые журавли стали постоянными героями телевидения. «Комсомольская правда» не один раз писала об этапах спасения журавлей. Мне посчастливилось побывать в питомниках, где птиц выращивали, а в Америке и в Москве я встретился с «отцом» журавлиной программы Джорджем Арчибальдом.

В работе журавлятников много интересных подробностей, оригинально решенных проблем. Для начала, чтобы получить популяцию птиц из яиц, осторожно и осмотрительно взятых у журавлей диких, надо было научиться выводить (а потом и разводить) журавлей в неволе. Затем надо было решать проблемы возвращения птиц в природу. Предположили, что это можно сделать, подкладывая яйца белых журавлей в гнезда серых. Вырастая среди них, они, мол, полетят в «серой компании» на зимовку. Полетели. Но возникла проблема новая. Запечатлев в детстве облик серых журавлей, белые только в них признавали половых партнеров. А выращенные в питомнике в качестве таковых признавали лишь человека («половое запечатлень»). Проблему в питомниках решили, одевая орнитологов-воспитателей в костюмы, напоминающие облик белого журавля. Еще проблема для выращенных в неволе: небоязнь хищников. Выпу-

ценные в природу, они становились жертвами орлов и рысей. Пришлось завести в питомниках собак – журавли должны знать: надо быть осторожными. Всего не перечесать. Но главной оставалась проблема перелетов на зимовку. Журавли, выращенные в питомнике, просто не знали, куда лететь.

Но вот обнадеживающая новость. Канадский изобретатель, пилот и натуралист Билл Лишман научил гусей (канадских казарок) летать за его дельтапланом. Восемнадцать птиц Билл провел из Квебека (Канада) в Южную Каролину (США). А весной (о, радость!) тринадцать птиц тем же путем вернулись на родину. Эксперимент этот сделал Лишмана знаменитым и, конечно, взбудоражил всех журавлятников – «Надо немедленно попробовать!».

Попробовали. Кое на чем обожглись. Серые журавли, следуя за лидером, попадали под пропеллер моторного дельтаплана. Все же дело наладилось – моторы стали огораживать сеткой. И вот, посмотри на снимок, строй журавлей послушно следует за летательным аппаратом, управляемым человеком.

И начался бум увлечений. Кое-где о науке забыли и стали устраивать шоу (нестерпимо противное слово!) с участием гусей и журавлей (конечно, не белых). Французы три года снимали фильм сенсационных полетов, меняя пилотов и птиц.

В России тоже есть ставшие редкими белые журавли стерхи. Их тоже взялись спасать методами американцев – в Ок-

ском заповеднике уже более десяти лет работает журавлиный питомник. И существует все та же проблема: как научить выведенных в питомнике журавлей следовать на зимовку? Выпуск птиц среди журавлей, гнездящихся в тундре, в низовьях Оби, вроде бы дал обнадеживающий результат, подтвержденный радиослежением. Но захотелось попробовать и «полет с лидером» за человеком с летательным аппаратом. Такая программа дорогостоящая, и журавлятники наши рискуют уподобиться незабвенной Эллочке Щукиной из «Двенадцати стульев», разорившей мужа состязаньем в погоне за модой с американской миллионершей, избрали вариант «для бедных». На глаза попался итальянский спортсмен, не имеющий никакого отношения к охране природы, но хорошо летающий на планере и очень честолюбивый. Итальянца поселили в Мещерском лесу, и он охотно взялся «перегнать» журавлей на зимовку в Иран, правда, лишь до границы с Казахстаном. И поскольку дальше полет невозможен (визы, разрешения, деньги), решено на приграничном озере журавлей выпустить – пусть дальше ищут дорогу сами. Такой вариант обесценивает затею, но, начав ее, решили не отступать.

Задача первая: «породнить» планериста с птицами, побудить их за «крылом» бегать, а потом и летать. В переговорах с питомником мне сказали: «Михалыч, приезжай 10 августа. До этого мы, чтобы не мешать делу, журналистов не пускаем». 10 августа я приехал и увидел взлетную полосу на поля-

не, вытоптанную не только планеристом и «погонщиками» журавлей, но и множеством журналистов. Тут побывали уже все охотники за сенсациями – телевидение, газетчики, репортеры, фотографы. Все написали и рассказали, что журавли еще не летают, а бегают, но что обязательно полетят за итальянцем Анджело (Ангелом.)

США. Серые журавли в полете за дельтапланом. Этот впечатляющий результат достигнут тонким, продуманным воспитанием птиц, запечатлением ими с малого возраста облика пилота и его летательного аппарата.

Сам Анджело называет себя Человеком-орлом. Он показал видеосюжет о том, как вырастил орла и летал с ним рядом в воздушных потоках Северной Африки. Минут сорок мы поговорили о предстоящем странствии над Сибирью длиной в две с половиной тысячи километров. Анджело собирается вести журавлей, совершив пятнадцать посадок и взлетов. Не боится ли он Сибири? Нет, не боится и готов с нею вступить в состязанье. Но ведь он собрался лететь не на моторном аппарате, а на планере. Совпадут ли восходящие потоки с возможными местами посадок и взлетов? И захотят ли журавли лететь с ним, набирая высоту, а потом скользя в нужном направлении вниз, – они ведь не аисты, не орлы, у них горизонтальный машущий полет – цепочкой или углом. Это были неприятные вопросы для героя полета и для самих журавлятников. Они лишь сказали, что верят в полет.

Возможно в Сибири и аварийное приземление. Что будет при этом с журавлями – один вопрос, другой – что будет с Человеком-орлом, готов ли Анджело к аварийным посадкам, есть ли у него запас продовольствия и средства для выживания? Анджело сказал, что может взять в мешок под «крылом» два килограмма калорийной еды. Ну а если случится беда? Анджело ответил, что есть передатчик и его могут найти вертолеты. О том, что дело это весьма дорогое, «Орел» не думает, над этим ломают головы журавлятники, надеющиеся на какой-то вертолет с Ямала и, конечно, на по-

рядком уставшее от специфических дел МЧС.

В заключение разговора Анджело признался, что скучает в русских лесах по спагетти и по красному вину, но делает записи для будущей книги и ему не так важно, если полет будет прерван в самом начале.

И наступил момент демонстрации достижений. Я сказал, что приехал посмотреть, как лидер летает и как следуют за ним журавли. Анджело, потряхивая кудрями и сверкая рекламными нашивками на одежде, вышел «пощупать» ладонью ветер и сказал, что он отменно хорош. Но, сходя к журавлиным вольерам, Анджело неожиданно заявил, что лететь не может: «Боюсь турбулентных потоков вот от этого дерева». Слушая разглагольствования, рассчитанные на простаков, я не стал спрашивать, что думает Анджело о турбулентных потоках, ожидающих его не на обжитой площадке, а на пути в две с половиной тысячи километров.

Как и всем журналистам, мне показали пробег Анджело под крылом планера и журавлей, не хотевших не только летать, но и бежать за лидером. Пришлось итальянцу, облачившись в белый балахон (имитация облика журавля), подманивать птиц едою. Закусив, рыжие журавлята отошли и не обращали внимания на пробеги их лидера. Пришлось молодым ребятам, работникам питомника (тоже в балахонах), размахивая руками, стимулировать бег за летательным аппаратом. Снимать все это было неинтересно.

Позднее я спросил у друзей-журавлятников: отчего Ан-

джело не захотел полететь? «Он почувствовал в вас человека серьезного, понимающего суть дела и испугался, что называется, ударить в грязь лицом». Короче, и Анджело, и журавлятники знали, что журавли еще не летают. Между тем для отбытия с журавлями к месту их старта в низовья Оби осталось четыре дня. Из журавлей нескольких «отчислили» по болезни. И не ясно было, сколько их предположительно поведет за собою Человек-орел, откровенно называющий себя спортсменом с авантюрным характером.

А не проще ли выпустить журавлей у границ Казахстана или даже Ирана, где предположительно они могут зазимовать? «Но ведь надо нарабатывать технологию...» – был ответ.

Вот такие дела с нашумевшим странствием журавлей. Подождем результатов. Я давно слежу за очень хрупкой программой спасения стерхов и очень хотел бы ошибиться, но, по-моему, затея эта, подготовленная «комом», на скорую руку, способна программу лишь скомпрометировать.

• **Фото из архива В. Пескова. 23 августа 2002 г.**

У Дона

Окно в природу

В жарком июле

Угораздило нас оказаться в пекле июля на Среднем Дону. Пожаловали ловить рыбу. Два партнера моих – завзятые удильщики – привезли снастей воз и маленькую тележку (буквально прицеп к машине). Опустим перечисленье предметов кочевого быта от палаток до сковородки. Главное – снасти. Все сверкало лаком и никелем, все было проверено в деле: крючки, катушки лесок, блесны, садки для рыбы. Я, презренный плотвичник, робел, глядя на это богатство. Но в дороге два друга моих, размышляя о сомах, сазанах, судаках, спохватились: а куда же будем рыбу девать? Это был очень серьезный пробел в стратегии маленькой экспедиции. Решили: станем одаривать рыбой тех, кого встретим на берегу. Я тоже решил: возьмут и плотву. И вот первое утро на берегу тихо текущей реки. Я, конечно, с дороги проспал, продрал глаза, когда два Мастера в резиновых сапогах, как в ботфортах, возвращались с уловом. Что же поймали? Полтора десятка, правда, крупной, в полторы ладони, плотвы. Я, разглядывая улов, причитал: «О, презренная Мастерами ужения рыбка, спасибо, что не оставила нас без завтрака!»

Мастера посмеивались, но были озадачены. Начался обычный разговор об особенностях водоемов, о вкусовых привычках рыбы, о везении, наконец. Но осторожная разведка – а как у соседей – показала: не ловится у всех. Жарко! Рыба искала спасенья у донных холодных ключей и, похоже, совсем не кормилась.

Между тем мальчишка, ехавший мимо нашей стоянки на велосипеде, показал двух стерлядок и с полведерка нестыдной добычи. И все это поймано было снастью, намотанной на палку.

Атака на рыбу возобновилась. Две резиновые лодки курсировали по Дону, под кручей у лагеря на глубину были брошены закидушки. И опять – ничего! На удилищах дремали стрекозы, живцы на крючках от жары дохли. Попытка ночью прищучить рыбу на отмели бредешком принесла лишь щуренка величиной с карандаш. Мастера приуныли. Может, дело в наживке, приваде? Навестившие нас журналисты из Петропавловки и местный судья, между делом пишущий неплохие стихи, оставили много разных инструкций, полмешка жмыха и ведро манки с горохом – приваживать рыбу.

Солнце всходило и заходило. Противоположный песчаный берег реки с утра до ночи оглашался музыкой и воплями купальщиков. В два дня мы почернели, как жители берегов Конго, но рыбы не было. На уху, правда, кое-что попадалось, но чтоб одаривать рыбой – такого и не предвиделось.

Чтобы занять себя, я фотографировал лягушек, которыми Мастера пытались соблазнить сомов – им-де жара нипочем. И решил еще самолично проверить, как работает снасть, изобретенная, как считают, китайцами, возможно, тысячу лет назад. Снасть остроумно проста. На леску вместо крючка крепят пуговицу от солдатской шинели, а рядом привязывают поводок с кусочком жмыха. Сазан на дне подходит к приманке и начинает ее с аппетитом сосать. А рядом течение шевелит пуговицу. Она хлопает рыбу по жабрам, сазан решает узнать, что же это такое, и берет пуговицу в рот. Ощувив металл, наверное, с отвращением пуговицу он выбрасывает, но не изо рта, а оттопырив жаберную щеку. Дальнейшее, пожалуй, и в объяснении не нуждается. Сазан сидит на кукане.

Один из наших – реставратор из Саранска Анатолий Яковлевич Митронькин.

Мастера помогли для эксперимента снарядить снасти. Мое же дело было простым: следить, не дрогнет ли сигнальный прутик на берегу, вокруг которого обернута леска и наверху положен камешек – если леску в воде потянуло, камешек сразу же упадет.

Четыре часа просидел я возле двух прутиков с камешками на макушке. Увы, ни один не упал. Поневоле я стал отвлекаться – наблюдаю, как ходит по соседству паром, как де-

ругся стрекозы за право посидеть на конце удилица, насто-
роженного на сома, как вороны собираются на сухом дереве
проводить солнце. На ночь оставил снасти настоороженными.
Но сазаны упорно не хотели участвовать в эксперименте.

«А их тут нету», – сказал пастух, как видно, знающий толк
в рыбалке. И объяснил: было много когда-то в Дону сазанов,
да выловили. Чутка эта рыба ко всякого рода приманкам, вот
и почти что прикончили.

Три дня промаялись мы на обрывистом берегу опушенно-
го дубняком Дона и решили снять осаду с реки – удалиться
к старице, по которой когда-то текла река и которая пре-
вратилась в тридцатикилометровую цепь озер. В иные годы
рыбы в старице, как рассказали, бывает не менее, чем в До-
ну. Но этой весной Дон не вышел из берегов, не разлился
по пойме, и старица осталась с тем, что имела. Мы махнули
рукой – в тишине поживем.

Старица

Слово «старица» поэтичное, как «околица». Равнинные
реки изредка во время больших половодий в каком-нибудь
месте меняют русло, а берега старой части реки начинают
зарастать ольхой, ветлами, тополями, непролазным кустар-
ником, у воды – камыши, осока и тростники, по воде – тело-
рез, лилии и кувшинки. Тихий мир, отражающий небо в зер-
кальных водах. Всякая жизнь льнет к старице. В прибреж-
ных крепях легко тут укрыться лосям, кабанам, лисам, вол-

кам, благоденствуют тут бобры, и множество разной птицы уютится возле спокойной воды. Рыбы в старице меньше, чем в русле реки, точнее, она помельче. Добыча для рыбака главная: щуки, лини, караси, красноперки. Мы готовы довольствоваться малым, лишь бы побывать в тишине и безлюдье.

И все же поимка крупной рыбы – радость. Одному из искусных наших удильщиков нежданно-негаданно попался «душман» – так называют на Дону и на Волге помесь белого карася с карпом. Плотная, «коренастая» рыба необычайно живуча и зимует даже в грязи пересыхающих бочагов. В промежутке между Волгой и Ахтубой однажды я встретил за странным занятием трех мужиков. Стоя в резиновых сапогах в высохшем бочаге, вилами они кидали к тележке комья грязи.

– Что это за работа?

– А вот посмотрите... – К ногам мне шлепнулся ком ила, а в нем трепыхнулась рыба, и немаленькая – килограмма на полтора. «Душманы» приготавились в грязи зимовать.

К нам на крючок попавший сын карпа и карася на кукане вел себя тихо. Но снятию чешуи запротивился, устроил в траве энергичную пляску.

В соседях у нас постоянно два лебедя. Они совершенно не боязливы, и все же это не парковые птицы. В старице они гнездятся. На каждом озере – двое. Свою территорию в периоды гнездования и выхаживания птенцов лебеди решительно защищают – одному излишне любознательному рыбаку

лебедь ударом крыла переломит тут руку. Известны случаи, когда таким же образом птицы убивали лисицу, покусившуюся на гнездо.

Сейчас белые птицы неагрессивны. Подросшие птенцы при опасности забиваются в крепки, а парочка взрослых птиц скользит по глади воды спокойно. Подплываешь совсем уж близко – с шумом (хлопанье крыльев и удары лапами по воде) перелетают на соседнее озеро.

Лагерь наш расположен на поляне между кустов, в стороне от воды. В палатках ночевать душно. Спим почти голыми под звездами на спальнях мешках. Одолевают комарики, но что поделаешь, кое-как спасаемся мазью. Наше появление тут обнаружила белка, по-хозяйски перешерстившая походный наш скарб. А в сумерках регулярно появляется ежик. И шуршит, шуршит в сухих травах, чего-то ищет.

На вечерние посиделки к костру приходит сторож расположенного рядом лесного питомника. Сторожит он трубы, по которым на посадки из старицы должна подаваться вода. Вода не подается, поскольку у лесхоза нет для мотора даже пяти килограммов солярки, но сторожить трубы надо, они алюминиевые, и чуть проглядел – уворуют.

Добродушного стража мы поначалу приняли за глубокого старика – ходит босым, не имеет ни единого зуба. Но оказалось, гость наш еще хоть куда и слывет в недалеком селе Казановой. Похмыкивая, без видимой похвальбы рассказывает он о своих похождениях, вызывая то хохот, то восхищение.

«А вот был еще случай...». Под сельский Декамерон и шуршанье ежика мы засыпаем.

Белые звезды старицы.

Жара невыносимая – 41! Эти песчаные места – самые жаркие на Дону. Горячий ветер из калмыцких степей испепеляющ. Тряпками висят листья на тыквах в селе. В каждом доме во сбереженье прохлады закрыты ставни. Сосновый лесок источает запах огнеопасного скипидара. Сушь такая, что прямо от спички в костре начинает гореть сук вяза толщиной в руку. В селе Гороховка, сообщают, сгорели семь домов. На пасеке мрут пчелы. Видел улья, где под каждым летком – горка зноем убитых тружениц. В селах спешно, «чтобы не испеклась», роют картошку, «мелкую, хоть ружье заряжай».

Все живое тянется к воде. Наш Казанова, ездивший в дальний угол старицы за сеном, встретил трех кабанов: «Видят меня, а из воды не выходят». Лошадь, жеребенок и сам мосластый, сгорбленный прелюбодей после дороги немедля полезли купаться. Мы купаемся весь день. Обсох – и опять в воду. Вода в заводях горячая, надо заплывать на середину старицы.

В лагере – нашествие ос. Интересуются арбузом, сгущенкой и рыбой. На уху и «жарёху», как говорит Казанова, рыбы хватает. Но не за тем ехали. Клев в целом ничтожный. Даже солнцелюбивая красноперка, живущая у самой поверхности в лопухах, куда-то девалась. Отводим душу разговорами о рыбалке. Охотней всего сейчас Мастера вспоминают зим-

ние ловли. Записываю рассказ о том, как один из страдальцев жары вез из Монголии огромного замороженного тайменя и как в другом месте для ухи на бригаду людей пилили двуручной пилой «бревно» замороженной нельмы.

День на воде

Мне легче других. Плотва не ловится – ну и бог с ней. Из Петропавловки приехал друг, тоже фотограф, и мы собрались обследовать старицу. Лодку дал Казанова, и мы в два весла отправились по старице, куда глаза глядят.

Хороший был день. Белые облака стадами паслись в воде. Летали стрекозы, кружил над старицей коршун, то и дело путь наш, как пули из автомата, с брызгами пересекали выводки лысух.

Очарование старице придавали кувшинки и белые лилии. Их было много. Нагнувшись, в белом, изумительно красивом цветке мы обнаруживали пчел. На суше нектар цветов выпит был солнцем, и пчелы летали к воде.

У двух водяных цветов, желтого и снежно-белого, удивительные свойства. Кувшинка на ночь погружается в воду, а лилия сжимает розетку лепестков и становится на воде незаметной. Это мы наблюдали и раньше, но вот неожиданность: небо вдруг резко нахмурилось, чуть потемнело, и в десять – пятнадцать минут цветки вдруг сжались, перестали белеть на воде. Каков механизм этой метаморфозы – изменение атмосферы или же освещенности заставляет цветок

сжиматься?

В одном месте мы услышали характерное «щурканье» резвых птиц. Они роем кружились близ старого дуба. Это были красивые долгоносые щурки, не любимые пасечниками. Но знаем: близко пасеки нет. Возможно, дикие пчелы? Пролетели по топкой крепи побережья к одиноко стоявшему дубу и увидели в нем дупло. Пчелы из него летали на лилии за нектаром, а щурки подстерегали их на пролете.

Всюду по старице – сухие деревья. Это жертвы вездесущей грибковой «голландской болезни», губящей только вяза. На одном дереве скрытно, до последней секунды сидел орлан-белохвост. Мы поравнялись с деревом, когда он, тяжело махая широченными крыльями и показав белый хвост, полетел над водой. Редкая птица. Орланов на старице пара. Тридцать километров укутанной в прибрежную зелень воды им довольно для жизни – ловят уток, подбирают околешую рыбу.

А коршунов можно назвать тут падальщиками. Их много. День-деньской летают над старицей – не сверкнет ли снулая рыба или еще что съедобное, не брезгают съестным мусором у кострищ. Не гнушается эта птица отнять еду у других. Первоклассный рыболов скопа, встретив на пути к гнезду коршуна, предпочитает бросить рыбу и поймать новую, лишь бы от грабителя отвязаться. Скопы на старице, кажется, нет, но коршун находит кого обидеть. Повсюду на листьях в кувшинках сидят еще плохо летающие птенцы крачек. Родители

носят им маленьких рыбок. В одном месте видели: мать отдала молодой крачке щуренка величиной с палец, и та сразу засемила по листьям кувшинок и скрылась. В другой раз такой же момент вместе с нами высмотрел коршун и с ловкостью акробата нырнул к воде. Мамаша-крачка немедленно бросила рыбку, боясь, что добычей охотника станет птенец.

– А что филины? – спросил я приятеля.

Девяносто два килограмма.

Этой весной тут, у Дона, мы с Александром снимали на меловой круче гнездо самой крупной нашей совы. И были озадачены. Саша видел до этого трех птенцов. Во время же съемки их оказалось два – старший и младший. Куда делся средний – было загадкой. Теперь Саша рассказывает, что средний птенец через неделю снова в гнезде появился. Где был? Саша обшарил дно расщелины у обрыва и нашел следы столовой – перья птиц, хвост водяной полевки и обрывок заячьего уха. Родители кормили тут отпрыска. Каким образом птенец перекочевал снова в гнездо по крутому обрыву? Скорее всего, в лапах у взрослой птицы.

Дощатник наш создан для тихой воды. Нос у него тупой, как корма, но лодка движется сносно, и мы не заметили, как отмахали веслами километров пять и уперлись в перемычку к новому озеру. Тут мы поняли: дальше и нельзя было бы плыть – жажда! Мы как-то не подумали, что она может мучить и на воде – напиться из старицы было рискованно. Решили выйти на берег и, обжигая о песок ноги, стали топтаться возле дороги по пойме, ожидая машину. Слава богу, она вовремя появилась. Мы утолили жажду и получили в подарок еще бутылку воды. В разговоре выяснилось: в машине едут такие же рыболовы, как мы. Жара и бесклевье вынудили уехать. Как и везде, зашел разговор об электрических удочках, распространившихся, как эпидемия, и убива-

ющих все живое. «Тут одних казаки приструнили...» – сказал угощавший водою парень. А Саша в лодке уже рассказал, что и тут, на старице, начали появляться эти ловцы, увозя по мешку рыбы. Казаки станицы Казанской предупредили: «Мужики, мы этого не потерпим...» Однако «электрики» явились вновь. Расправа была простой: когда, дождав-шись ночи, пришлые принялись на одном из озер за обычное дело, казаки их машину облили бензином и подожгли. «С тех пор не ездят». Это случай, когда терпение у людей, что назы-вается, лопнуло. Закон наказания за омертвление вод не ра-ботает, и люди начинают действовать по неписаному закону. Кто их осудит?

Калитвянская яма

Между тем в лагерь прибыл гонец: «Гороховский лесни-чий на Калитвянской яме вынул сома под сто килограммов». Мастера нашей компании подобных сомов видали, но, про-играв Дону и его старице почти что вчистую, увидели шанс отыгаться сомами. И немедленно лагерь наш стал на колеса.

До села Гороховки на Дону было километров сорок, и к вечеру мы были уже в доме лесничего Николая Алексеевича Багринцева. Об этом человеке, лучшем сомятнике на Дону, в прошлом году мы писали. Но тогда сомик попался некруп-ный, примерно на пуд. На этот раз большого сома Николай Алексеевич поймал там же, на яме, возле парома. В войну тут была переправа. Несколько танков с нее упало. И, воз-

можно, помимо большой глубины ямы, сомы любят ее за железо на дне, оно для них что-то вроде коряг.

В соме длиной больше двух метров оказалось девяносто два килограмма. Для фотографирования это чудище поднимали, подтягивая веревку автомобилем. Крюнул сом на налима – наживку лакомую и долго живущую на крючке.

Надо было видеть, как засверкали глаза Мастеров. Немедленно к Дону! Николай Алексеевич знал о нашем приезде и сделал главное – наловил с сыном для наживки налимов.

И вот на заходе солнца началось священнодействие. Близко в середине Дона плывет лодочка, а в ней сомятник и один из наших. Работа простая, но требующая сноровки и аккуратности – скользкого налима надо нужным образом посадить на крючок.

Все сделано. На берег из Дона тянутся лески к прутикам с колокольцами, а концы их привязаны к кольям: сом – рыба сильная. Был случай тут, когда сом утопил ловца, неосмотрительно намотавшего прочную леску на руку.

Вечерняя тишина. Круги от сомов на воде. Головли клюют прямо у берега на кузнечиков. Но до этой ли мелочи Мастерам – сомы на прицеле.

Час проходит – колокольчики не звенят. Но сомятник нас ободряет: что-нибудь обязательно будет.

Близко к одиннадцати мы с Николаем Алексеевичем уезжаем – он смертельно устал на тушении пожаров, а я, плотвичник, только помеха при важном деле. У костра, прислу-

шиваясь, остаются двое.

Утром мы заявляемся с безмолвным вопросом: ну как? Рыбак никогда не будет спешить с похвальбой, а тут еще и повода нет. Один сом попался, но маленький, килограммов на пять. Он сидит на кукане и, если потянуть бечеву, заявляет права на жизнь.

Снимаю ловцов с добычей. Они обращаются с рыбой небрежно, надеются еще на одну ночь. Днем Мастерам полагось поспать. Но где там, готовится еще одна атака на Дон. Куда-то к холодным ключам отправились за налимами и целый день ловили их в норах (дело весьма непростое!) руками. И вечером широкий фронт лесок с двенадцатью налимами на крючках нацелен был на сомов. Казалось, на этот раз Дон проиграет.

Ан нет. В рыбалке много значит удача. Хорошо подготовленный натиск результатов не дал. На большого налима клюнул соменок в два килограмма. Дитё! Таких Николай Алексеевич обычно немедленно отпускает. Но сомик так заглотил наживку, что крючок пришлось вынимать из него хирургическим инструментом. На кукане добыча плавала вверх животом и годилась только на лакомство курам.

Можно сказать, с нулевым счетом проиграли мы славному Дону. Одна радость: в день отъезда (уже в августе) вдали громыхала гроза, и по мере удаления от места, где больше недели мы жили, как рыбы, выброшенные на берег, на асфальте все чаще сверкали лужи. Изнурительная жара была

позади.

- **Фото автора. 30 августа, 6 сентября 2002 г.**

Пустельга

Окно в природу

Еще лет тридцать назад над любым полем, пустошью, лугом можно было увидеть птицу, повисавшую в воздухе в одной точке, распутив крылья и хвост. Это была пустельга – маленький соколог, промышляющий мышей.

В России сокола «пустельгой» нарекли будто бы соколятники – прирученная птица не хотела быть ловчим охотником, предпочитая мышей, «пустельга, пустое дело с ней заниматься».

Брем рассказ об этом, живущем по соседству с людьми, соколе начинает словами «Чрезвычайно красивая птица» и пишет о мышелове восторженно, называя его первейшим другом людей. Сокол в самом деле очень красив. Имея изящные формы, окрашен он в пепельные и красноватые тона с темными пятнами. У него гордо посаженная голова, изящные формы тела – типичный сокол.

Птица всегда была на виду у людей. С небольшой высоты обозревая землю, пустельга вдруг останавливается в воздухе головой к ветру (украинское название пустельги «боривитер») и огромными для своей величины глазами видит в травах мышей и даже кузнечиков. Сложив крылья, птица кам-

нем падает на добычу. Если она небольшая, тут же ее съедает, если крупная – ищет укромное место для трапезы или уносит еду птенцам.

Пустельга способна застыть в одной точке.

Пустельга была широко распространена по всей Европе и Азии. Пустельгу не преследовали, видя в ней хорошего помощника сохранения зерна на полях, и пустельга людей

сторонилась, но не боялась. Селится она (иногда колониями) в рощах среди равнин и на отдельно стоящих деревьях. Не избегает построек. Повсюду в Западной Европе селится в нишах стен замков, на колокольнях и высоких домах, если они расположены близко к полям. В Кельне на лестнице знаменитого собора экскурсовод, помню, показал нам птицу, сидевшую метрах в десяти на выступах камня: «У нее там гнездо. Но она привыкла к людям и не боится». Это была пустельга, летавшая на поля даже из центра города. А лет пятнадцать назад гнездо пустельги мы снимали для передачи «В мире животных» на окраине подмосковного Зеленограда. Поднявшись на чердак многоэтажного дома, в щели между кладкою кирпича мы увидели четырех в белом пуху птенцов. Дождались и взрослой птицы. Она прилетела с лежащего рядом поля с мышью. Нас, конечно, сразу увидела, но, повременив с минуту, стала кормить птенцов, отщипывая им по кусочку мяса. Другой родитель тоже явился с кузнечиком и, обломав у него жесткие части тела, мякоть сунул птенцу. Наше присутствие на чердаке его не пугало. Старались не двигаться, и сокол проявил любопытство – слетел и сел на камеру оператора.

Когда родители улетели вновь на охоту, мы смогли как следует разглядеть малышей. Гнезда под ними практически не было – всего несколько тонких веточек. Выводя птенцов на деревьях, гнезда пустельга, как и все соколы, не строит – селится в гнездах ворон, сорок и грачей. Вороны – соседи

для нее нежеланные. Сидящего на гнезде сокола беспокоить они не смеют, но могут, уловив момент, когда родители, пусть ненадолго, отлучились, воровать пустельжат.

Птенцов в гнезде может быть шесть – девять, но чаще – четыре – шесть. Они растут быстро, постоянно требуя у родителей пищу. В гнезде они возятся, иногда дерутся. Если лоток гнезда неглубок, беспокойная семейка может братца вытолкнуть из гнезда. Я наблюдал случай, когда родители докармливали птенца на земле.

Когда птенцы становятся на крыло, можно увидеть, как пустельги охотятся всей семьей. «Старики» ведут себя уверенно и привычно, а молодежь с любопытством вьется вокруг – учится, продолжая выпрашивать у кормильцев еду.

Пустельга отважится (очень редко!) напасть на зайчонка, ловит иногда птиц (чаще всего жаворонков – соседей по полю). Но это лишь эпизоды в бытие сокола. Главное – мыши! Два десятка их в день ловит парочка соколов для прокорма семьи. Легко подсчитать, сколь велика от этого польза для человека.

Прилетает пустельга в наши края рано, в апреле, когда солнце сгонит с полей снега, а улетает в конце сентября – в октябре. Зимует в Африке, залетая далеко вглубь континента. Профессор Владимир Галушин (его специализация – хищные птицы), помню, пришел в возбуждение, увидев остановившуюся, как и «дома», в одной точке над желтой саванной пустельгу: «Наша птица!»

На гнезде.

Всего в мире четырнадцать видов пустельги. Два из них полгода проводят в наших краях. Пустельга «обыкновенная», о которой мы говорим, и пустельга степная, живущая по южному краю страны. Птицы похожи, чуть разнятся питанием и образом жизни. Для степной пустельги главный объ-

ект охоты – ящерицы. А селится она в нишах береговых обрывов и на чердаках крайних к степи деревенских домов и сараев, повсюду встречая покровительство человека.

Гнездо пустельги я увидел однажды в щели полевой будки трактористов. Тут она совсем привыкла к близости людей, а птенцы не боялись их совершенно. Поймав ящерицу, парень-комбайнер скормил ее уже возмужавшим птенцам. Любопытно, что мама сидела спокойно шагах в десяти, не проявляя тревоги, и принялась за кормление малышей, как только мы отошли.

И вот тревога: пустельги повсюду стало угрожающе мало, почти не попадает на глаза. «Вот-вот «залетит» в Красную книгу», – пишут орнитологи. И это птица, бывшая всюду обычной! Правда, еще полтора столетия назад Брем в своих книгах обронил слово: «Эта безобидная птица понемногу исчезает». Но то было время, когда любого хищника охотники брали на мушку, и Брем пустельгу защищал: «Полезнейшая! Кто познакомится с ней, то и полюбит».

И вот почти катастрофа. Врагов у пустельги немного – ворона может гнездо потревожить, куница – опустошить. Но это все мелочи. Как всегда, при всей любви вред пустельге приносил человек – из-за глупого любопытства кое-кто разорял гнезда, да и постреливали. Но в последние тридцать лет по хищникам стреляют редко. В этом большая заслуга орнитологов, не устававших объяснять, сколь важную роль хищные птицы играют в природе. И вот на тебе – пустель-

га на глазах исчезает. Специалисты не понимают, почему. Нет видимых причин. Лет сорок назад можно было грешить на химикаты, но в Европе ДДТ (наиболее губительный из них) запрещен. У нас последние годы химикаты в сельском хозяйстве не применяются по бедности. Болезнь? Или что случается на перелетах, зимовках? Вопросов много. Ответов нет.

Недавно молодые московские орнитологи к северу от столицы, в Талдомском районе, попробовали развесить искусственные гнездовья-ящики. В девяти из двенадцати пустельги загнездились. Это говорит о явном дефиците гнездовий. Но почему дефицита не было раньше? Почему он вдруг подкосил пустельгу за какие-то двадцать лет? Дело, видимо, не только в гнездовьях. Но в чем?

Символом текущего года Союз охраны птиц России объявил пустельгу. В Европе и Азии идут поиски причин бедственного ее положения. Помочь этому соколку можно пока что только особо бережным к нему отношением. В первую очередь не беспокоить любопытства ради птиц во время гнездовий. «Пройдите мимо!» – просят орнитологи. Прислушаемся к их советам, и тогда, может быть, чаще будем видеть над полем как бы на ниточке висящую птицу и слышать ее голосок: «Кли-кли-кли!» За этот голос латинское название пустельги – «полевой колокольчик».

• Фото из архива В. Пескова. 13 сентября 2002 г.

Калитвянский паром

Окно в природу

Через реку можно переправиться в лодке. Там, где переправляются часто, строят мосты – небольшие скрипучие или стальные клёпаные, похожие на кружева, и загадочно гудящие, когда по ним мчится поезд. Теперь строят мосты из железобетона. А там, где большие затраты неоправданны, через реки строят мосты наплавные. «Поплавки», на которых лежит настил, на зиму убирают, а когда весной вода войдет в берега, мост за короткое время снова готов. Есть места, где и такой мост дорог, но надо не просто перебраться на другой берег, а переправить и лошадь с повозкой, автомобиль. Тогда сооружают паром.

Старинное средство переправиться через Дон.

Паромы я видел разные. Через реку Красную во Вьетнаме платформу с людьми и машинами тянет притороченный сбоку катер. На Верхней Волге у деревни Сытково я видел паром старинный – плавучую деревянную плоскость с возами сена, с лесорубами и мальчишками на велосипедах. Паромщик двигал платформу, цепляясь за натянутый над рекой трос дубовым «зубом» с прорезью. Удивительно поэтичной была эта неспешная переправа (цела ли сейчас?). Ее терпеливо ждали. Ждали, когда загрузится на том берегу (холостой ход – расточительство). А когда, поскрипывая, паром шел через реку, прекращались начатые на берегу разгово-

ры – все глядели, как струится вода, как приближается другой берег.

Паромщик всегда был фигурой уважаемой (какой-нибудь немолодой уже «Степаныч» с сигаркой). С ним, ожидая переправы, можно было перекинуться словом, а то и душевно поговорить, узнать местные новости. Паромщик и бакенщик на реке были люди романтического, всем нужного дела. Бакенщики теперь исчезли, а паромщики, там, где проселки упираются в реку и продолженье имеют на другом берегу, еще сохранились. С одним недавно я познакомился.

Его посудину мы каждый день видели из рыбацкого лагеря. Постукивал в тишине негромко мотор, и поперек Дона двигалось нечто вроде аккуратной шкатулки. «Сашкин паром...» – сказал лесничий, учивший нас ловле сомов.

А как-то утром у костра появился веселый, сразу располагающий к себе человек. Когда познакомились, он сказал: «Я тут – паромщик». Все приезжие засмеялись: «В паромщики обычно идут старики». Выяснилось: сорокалетний Александр Новиков (для всех – Сашка, а для мальчишек – дядя Саша) не просто паромщик, но и владелец парома.

Слово за слово, и добродушный Александр рассказал о пути в паромщики – способе оказаться летом поближе к реке. На Дону все с рекой как-нибудь связаны, хотя бы душевно. У Сашки дед был знаменитым сомятником, отец – тракторист, отправляясь пахать, непременно прихватывал удочку. Александр вырос в объятьях реки и был в курсе всего,

что бы на Дону ни случилось. По рассказам он знал: в 43-м году, во время сражения под Курском, тут тоже вода кипела от взрывов. Следы тех боев выявляются и поныне. Недавно лесничество продало дубовые кряжи изготовителям фанеры, так те от дальнейших поставок отказались – «в древесине свинец и железо».

Вспоминает Александр, как перед весной 1997 года провалились в полынью на Дону пять лосей и никак не могли выбраться. «Половина Старой Калитвы сбежали на берег – кто плачет, кто советы дает, кто спасает. Веревками, с неимоверными усилиями лосей вытащили. Стояли на трясущихся ногах, сдвинуться с места не могут».

Окончил Александр в Калитве («без отрыва от Дона») десятилетку, отслужил в армии, работал после в колхозе шофером, не повезло – заболел. Две операции сделали. С шоферством пришлось расстаться. Нанялся в «сельмаг» продавцом. «На работу не жалею – кормит. Но ведь что-то и для души должно быть. Вот и задумал построить паром. Все из подручных средств: купил полбаржи, ржавевшей на берегу, поставил на этом огрызке бог знает из чего собранный двигатель, сделал над машиной кабину, канат натянул через Дон. Пойдемте, сами увидите».

Дежурным на пароме во время отлучки хозяина был оставлен мальчишка. «Они тут каждый день чирикают воробьями. Паром для них вроде как пароход. А Игорь Чумаков – вот он, герой! – со мною с вечера до утра».

Игорь показал, как запускают мотор, рассказал, какие правила надо тут соблюдать, как на паром заезжают автомобили.

Доходы паромщика пока что невелики – больше стоит в ожидании. Но паромщик не огорчается. «Наладится дело. Выгодней тут переправиться, чем делать немаленький крюк к другому парому. Да и нашим местным – выгода. Луга и, стало быть, сено – на левом берегу, лес пойменный тоже левобережный – дрова в нем стоят вдвое дешевле, чем в Калитве. Пользуются паромом охотники, удильщики, грибники. Их с Игорем мы перевозим за так». Для этого люда «Сашкин паром» как справочное бюро. Интересуются у Александра, откуда какие несут грибы, где что клевало и где что случилось – все здешние новости стекаются к переправе. «Тут и душу тебе изолюют, и расскажут, где встретили кабанов, где заяц дорогу перебежал, где увидели волчий след. У реки всегда интересно. Я вот недавно с парома вижу: плывет что-то странное. Не утоп ли кто? Оказалось, огромный сом, запутавшись в чьих-то сетях, околел, плывет по течению, а на желтом брюхе, представляете, сидит у него ворона. Все интересно! Стрекоза, озябшая, утром села погреться на двигатель, коршун патрулирует берег, ищет снулую рыбу, орлан-белохвост пролетел. Увидишь зверя или птицу какую – радость на целый день».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.